

УР МАНОВ

ПО ЗОВУ
КИТОВЫХ ДОРОГ

18+

Ур Манов

По зову китовых дорог

«Автор»

2026

Манов У.

По зову китовых дорог / У. Манов — «Автор», 2026

Сказка для взрослых или юмористическая повесть в жанре фэнтези о приключениях норманна, который попал в переплет в Гардарике. Герой встретил Бабу Ягу, Змея Горыныча и других сказочных персонажей русских сказок, пережил множество приключений, но сумел выбраться.

© Манов У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Бесславное начало, славного похода	5
В краю диких печей	8

Ур Манов

По зову китовых дорог

Бесславное начало, славного похода

Бьёрн пришел в себя от холода. И от того, что нос уткнулся во что-то мокрое и склизкое. Он лежал на песке. Сознание возвращалось медленно, как мёд, который переливали в одрё-рир¹. Сначала Бьёрн слышал мерный плеск воды и шум ветра. Потом понял, что мокрое и склизкое — это дохлая медуза. Он брезгливо отшвырнул её, приподнял голову и осмотрелся. Вокруг — деревянные обломки, обрывки канатов, водоросли и прочий морской мусор. А также его собственный шлем украшенный двумя рогами.

Бьёрн сел, поднял шлем и натянул на голову, посмотрел в небо и ощутил, как на лицо падают снежинки. «Проклятье, дракар не выдержал шторма» — подумал викинг. — «Но куда делась дружина? Неужели все эти здоровенные, бородатые болваны утонули, а я, самый красивый и умный, остался? Справедливость, однако».

Он поднялся на ноги. Метрах в десяти от берега в дымке тумана виднелась бревенчатая хижина. Двускатную крышу, покрытую соломой и ветками, венчал лошадиный череп. Череп выглядел так, будто ему всё это уже надоело. Деревянная дверь, скособочившаяся от времени, была приоткрыта, словно приглашала. Бьёрн окончательно пришёл в себя, и его начала бить дрожь. Он всегда славился могучим здоровьем, например, мог за раз съесть целого кабана, запить ведром пива и после этого не лопнуть, но пережитое, шторм и промокшая одежда делали своё дело.

Слегка пошатываясь, он направился к избушке. Пригнувшись (потому что притолока была рассчитана на карликов), он вошёл внутрь. Скрипнула под ногой половица. Бьёрн замер.

Обычные сени: внутри — метла, деревянные кадки и вёдра, сети, дрова и прочая рыбацкая утварь. А также странный горшок с надписью на древнескандинавском: «Не жри, не твоё». Бьёрн заглянул в горшок — там лежали сушёные грибы и чьи-то глаза, один ему подморгнул. Бьёрн моргнул в ответ и поставил горшок на место. Он прошёл дальше и вошёл в комнату.

До ушей донёсся нежный металлический звон. «Как будто дверги² куют», — подумал викинг. — «Или кто-то развлекается с вилками».

— Скальд³, пришёл китовой дорогой, — услышал он скрипучий голос. Присмотревшись, Бьёрн увидел седую женщину. Её костлявые пальцы держали спицы, которые сплетали из шерсти носок. Именно они и издавали нежный звон. Носок был длиной уже метра три, и Бьёрн невольно подумал, что старуха вяжет чулок для очень худого великана.

Холод, снег и туман наконец сложились в голове в неприятную картинку.

— Проклятье! Это же Хельхейм, — вслух прорычал Бьёрн. — Значит, я умер. Осознание, что он погиб не как положено настоящему норманну, с топором в руке и с воплем «Слава Одину!», навалилось на него. Вальгалла⁴ теперь для него закрыта навсегда. Все сходится: позади вода — значит, это река Гьелль⁵, ну, а бабушка, вяжущая носок, — это, конечно же, сама Хель⁶. Правда, Бьёрн почему-то представлял её более зловещей. И с косой. А не с вяза-

¹ Одрёрир — в скандинавской мифологии сосуд, в котором хранился напиток дарующий поэтические способности и мудрость.

² Дверги — в скандинавской мифологии карлики или гномы

³ Скальд — в древней Скандинавии так называли воинов, обладавших поэтическим даром

⁴ Вальгалла — в скандинавской мифологии рай для воинов

⁵ Гьелль — в скандинавской мифологии река отделяющая мир живых от мира мёртвых

⁶ Хель — в скандинавской мифологии правительница царства мертвых, куда попадают умершие от болезней или старости,

нием. Старуха вдруг засмеялась, скрипуче, как несмазанная дверь, к которой приделали вторую несмазанную дверь.

— Ты думаешь, я Хель? — она отложила спицы и смахнула слезу. — Ошибаешься, северный гость. Хель вяжет из серых нитей, скукотища смертная. А у меня шерсть с серебряным отливом, с примесью драконьей перхоти. Приглядишься.

В этот момент изба со страшным скрипом приподнялась. От неожиданности Бьёрн упал на пол, больно приложившись затылком о порог. Бабушка залилась скрипучим смехом, теперь уже похожим на то, как если бы чайник закипел и решил пошутить.

— Твой дракар сбился с пути, странник.

— Так я не в Хельхейме? — осторожно уточнил Бьёрн, потирая ушибленную голову.

— В Нави, касатик, — поправила старуха. — Это как Хельхейм, только с лучшим сервисом. А я — Баба Яга. Хель мне в подмётки не годится: та только мёртвых считает, а я и живым помогаю, если заслужили и вяжу я быстрее.

Она поднялась, опираясь на клюку, и Бьёрн заметил, что одна нога у неё была костяная. Клюка стукнула по полу, и в очаге сами собой вспыхнули дрова.

— Раздевайся, промокший скальд. Вон в углу сухое бельё, щи в печи, мёд в кувшине. Отогреешься — поговорим. Только мёд весь не выпивай, я его для гостей держу, а не для того чтобы ты тут вусмерть надирался.

Бьёрн не стал спорить. Он быстро скинул облачение и переоделся в грубое, но тёплое полотняное бельё. Съел тарелку наваристых щей с кислой капустой (трижды подумав, что за мясо там плавает, но решив не проверять), запил их янтарным мёдом и только тогда почувствовал, как смертельная усталость отпускает его кости.

Пока гость жевал, Яга щелкнула пальцами и снаряжение Бьёрна разлетелось по углам печи, а шлем перекочевал ей в руки, она повертела его в руках:

— Экий у тебя шишак, рога зачем?

— Это Торстейн Дранные Штаны первым придумал, по мне так дурь, но ярлу понравилось, вот мы теперь все с такими и ходим.

— Ишь иноземцы, все у вас этак с вывертом, сказывай, как сюда попал, — наконец произнесла она, вытирая выдающийся горбатый нос рукавом.

Бьёрн рассказал: о походе на запад, хотел он наняться со своей дружиной к великому конунгу, но в пути дракар попал во внезапный шторм, корабль разбился, а его самого выбросило на неведомый берег. Дружина, скорее всего, утонула. Или сбежала, прихватив с собой запасное пиво.

— Скажи честно, — прищурилась Яга. — Ты вёз на корабле сюрстрёмминг?⁷⁷

— Ну, допустим, вез.

— Она-то шторм и привлекла. Морские духи терпеть не могут вонищу от вашей квашеной селёдки.

Яга кивнула, распустила готовый носок (он оказался длиной с лодку) и снова начала вязать — теперь уже нечто похожее на шапку для тролля.

— Не исчезла твоя дружина. Твоих воинов взяла Мора, полуночная ведьма, что живёт за Костяными горами. Она крадёт воинов для своей невидимой дружины. Хочешь вернуть своих, ступай к ней. Но без моего подарка пропадёшь. Вернее, пропадёшь не ты, а они. Мора превращает пленников в фигуры для игры в Хнефатафл⁸⁸ и играет с лешими по выходным.

— В Хнефатафл? — переспросил Бьёрн. — я только в кости умею.

также так называют собственно само царство.

⁷⁷ Сюрстрёмминг — консервированная селедка, приготовленная по специальному рецепту, обладает резким и неприятным запахом. Иностранцы не выдерживают его, а скандинавы считают деликатесом.

⁸⁸ Хнефатафл — скандинавская настольная игра, в которой один игрок спасает короля, а второй пытается его захватить.

Она отложила спицы и трижды хлопнула в ладоши. На столе появились три вещи. Первой — клубок. Но не простой: нить его была не шерстяной, а сотканной из лунного света и инея. Клубок тихо позвякивал, как колокольчик, и периодически чихал.

— Это навигатор, — сказала Яга.

— Чего?

— Тьфу ты, немчина бестолковая, бросишь перед собой, приведёт туда, куда надо. Но учти характер у него не простой, так что придется тебе как то приспособиться к нему. Второй подарок — пара варежек. Грубых, с вывязанными рунами. Бьёрн узнал норманнские знаки: «защита» и «сила».

— Наденешь — любой предмет в руках станет оружием.

Третьим оказался крошечный колокольчик на кожаном шнурке.

— Позвонишь, вызовешь Альва⁹, он тебе поможет, но только один раз. Бьёрн взял предметы, почтительно поклонился.

— Благодарю, тебя, но почему ты помогаешь чужаку? — спросил он, выковыривая клубок из-под лавки.

— Эх, внучек, работа такая, — вздохнула Яга, доставая из печи пирожок. — Ты не первый гость у моего порога. Я здесь привратница. Моё дело принять странника, да путь указать, да пирожком накормить, пока тот не отравился. А дальше уже ты сам. Но помни: не всем дано пройти путь. Она подняла клюку, и изба вздрогнула, развернувшись на курьих ногах. Дверь распахнулась.

— Иди, скальд, но помни: Мора не просто ведьма. Она — забытая печаль мира сего. Победить её силой нельзя. Только хитростью и... кое-чем ещё. Угадаешь чем, вернёшь свою дружину.

— Пирожком? — предположил Бьёрн.

— Почти. А теперь вали, пока я не передумала и не связала тебе штаны в одну огромную косичку.

Бьёрн почувствовал, как на голову упал его рогатый шлем и на нем снова его одежда. Он сложил подношения Яги в поясную сумку и шагнул в туман. Когда он обернулся, избы уже не было — только старый замшелый пенёк, да вороний след на снегу.

⁹ Альвы — в скандинавской мифологии сверхъестественные существа, близкие по своим способностям к богам.

В краю диких печей

Из тумана раздался ещё один скрипучий голос, но не такой, как у Яги:

— Ну чего встал, как пень?

— Это что ещё за пададь там голос подаёт? — проревел Бьёрн, машинально потянувшись к поясу, на котором обычно висел топор, но, похватав пару раз воздух, остановился.

— Кар-р-р-р, кар-р-р-р.

Из тумана, перескакивая по-птичьи с припорошенных снегом обломков, разбросанных на берегу, показалась неправдоподобно большая, взъерошенная чёрная птица.

— О, ворон! — обрадовался скальд. — Ты ж моя птичка, ты ж моя радость!

— Но-но, без фамильяр-р-р-ностей! Я вообще-то надеялся тут полакомиться, а не выслушивать нежности.

— Да что тут жрать-то? Плавник один, да водоросли.

— Я говор-р-р-рю: не стой тут, тр-р-р-рафик задерживаешь! Там уже др-р-ругие гер-р-рои на подходе.

— Какие ещё герои?

— Дур-р-р-рак! Ты на пер-р-р-рекр-р-рестке миров! Доставай клубок и катись колбаской.

— Спасибо, тебе, вещунья. — Бьёрн поклонился. Каждый норманн знал: встреча ворона к удаче, ведь самого Одина сопровождают, аж два ворона. Правда, те хотя бы не грубят.

— Не вещунья, а вещун! — обиженно каркнула птица.

Скальд сунул руку в поясную сумку и вытащил первое, что под руку попало — маленький пергамент с изображением девы в рогатом шлеме. Он купил его за большие деньги в Хедебю.

— Извини, Гримхильда, сейчас не твой час, — пробормотал Бьёрн, сунул картинку обратно и, наконец, извлёк клубок. Бросил перед собой. Клубок упал, но тут же подскочил на маленькие ножки, появившиеся снизу. С боков выросли ручки, и колобок сердито затряс одной из них:

— Ты чего кидаешься?! Увалень! Этак и убиться можно! Куда тебе?

— Лопни моя селезёнка, колобок — и разговаривает! — изумился Бьёрн. — Надеюсь, хоть рукавицы не будут мне нотации читать. Давай води меня к Море, и так я тут застоялся, как дракар на якоре.

— Одну минуту, — деловито сказал колобок. — Мне надо построить маршрут. Погоду проверить, пробки на тропах, рейтинг придорожных печей...

— Чего?

— Не отставай, говорю! — И колобок, развернувшись, побежал. Бьёрн едва успел сообщить, что, если не поспешить за шерстяным, то потеряется, и припустил следом, мысленно проклиная Гардарику, не в этот край стремился его корабль, но видно такую судьбу определили ему Норны¹⁰.

Через несколько километров колобок снизил скорость. По всей видимости, шерстяная тварь чувствовала уровень усталости ведомого и регулировала скорость движения в зависимости от него.

Тропа, по которой шли путешественники, углубилась в мрачный лес. Причём по мере передвижения из чащобы доносился хохот, резко сменявшийся плачем или жуткими криками.

¹⁰ Норны — в скандинавской мифологии существа женского рода, определяющие судьбу богов и людей.

То справа, то слева сквозь чащу проносилось что-то большое, ломая на своём пути тонкие деревья.

— У нас так йотуны тренируются, — сказал Бьёрн. — или медведи озоруют, когда с перебродившей малиной переберут.

Колобок промолчал, но ускорился.

Наконец, когда Бьёрн уже почувствовал, что пора бы и сделать привал (и заодно проверить, все ли рёбра на месте), колобок вывел его на поляну. Посреди жухлой травы стояла каменная печь, из трубы шёл дымок. На полке перед заслонкой стояли горшки.

— Уфф, — шумно выдохнул Бьёрн. Он схватил один из горшков, открыл крышку, принюхался. Шибануло хлебным духом. — Ай, ладно, Хель меня побери, отраву у печи держать не станут! — И от души утолил жажду.

Колобок тем временем устроился в подпечье:

— Привал! Личному составу отдыхать.

— Чего?

— Перерыв, говорю. Мне надо сориентироваться.

— Чего?

— Ну почему я вынужден общаться с этими персонажами? — вздохнул шерстяной. — Ни словарного запаса, ни кругозора. — И, обращаясь к Бьёрну, добавил:

— Отдохни, говорю, морячок ты наш сухопутный.

Бьёрн послушно открыл другой горшок. В этот момент из печи раздался голос — низкий, с хрипотцой и намёком на вечность:

— Это кто тут хозяйничает?

Бьёрн осторожно вернул крышку на место и представился:

— Я Бьёрн, сын Торстейна, по прозвищу Кроитель.

— Швеец, что ли? — уточнила печь с подозрением.

— Да нет, просто раскроил как-то башку одному берсерку, да так аккуратно, что она на две половинки распалась. Как тыква на празднике. А ты кто?

— А я печевой. Топлю, варю, мысли читаю.

— Прости за тупость, я нездешний. Ты, стало быть, печной дух?

— Наверде того. И куда ты, паря, путь держишь?

— К Море иду. Да вот притомился, перекусить бы чего... — тут Бьёрн выразительно постучал по заслонке.

— Это можно, отчего ж нельзя. Только сослужи мне службу сначала.

— Сослужу, без проблем. Только я ведь всего к трём делам сподручен: черепа кроить, жрать, да с девками веселиться. И всё строго по графику.

— Ну, это несложно. То же самое, что и кроить. Наруби дров.

— Да у меня и топора нет, — честно признался викинг.

— Конечно, стал бы я тебя просить дров, если б у меня топор был, — вздохнула печь. — Прояви смекалку. Ты ж герой, в конце концов.

Бьёрн огляделся и побрёл в лес за валежником. Валежник был, но в виде поваленных ветром деревьев. Их нужно было ещё распилить на чурбаки, а потом расколоть, но чем?!

Неожиданно сверху раздалось:

— Кар-р-р! Варежки надень, дурья твоя голова! И возьми любую палку. Благодаря молекулярному воздействию встроенной темпоральной системы палка приобретёт свойства закалённой высокоуглеродистой стали!

— Разрази меня молот Тора, — выдохнул Бьёрн. — Чудные какие слова. Ты с кем разговаривала, птица?

— Кар-р-р! Ох тяжело же с героями, — простонал ворон. — Надень, говорю, рукавицы бабушкины. Возьми палку, да руби дрова. И не задавай глупых вопросов, у меня полёт.

Через полчаса Бьёрн, весь в поту, но гордый собой, свалил охапку дров у печи. Заслонка отворилась, и прямо перед норманном появился стол, накрытый скатертью-самобранкой и ломящийся от яств.

Когда Бьёрн сыто отрыгнул да так, что колобок из под печи выкатился, Печевой снова подал голос:

— Сыт ли ты теперь, витязь заморский?

— Спасибо, тебе, печевой. А не подскажешь ли чего про ведьму полуночную Мору? Как её одолеть можно?

— Ну, разные, говорят, способы есть, — задумчиво прогудела печь. — То ли спеть ей надо, то ли сплясать, то ли собаку привязать. Ещё вариант: предложить подписать брачный договор, а там мелким шрифтом...

— Всё, всё, спасибо, идти надо, — Бьёрн поднялся. Стол и скатерть мгновенно исчезли. «Сам Локи не разберёт этих духов Гардарики. Может, этот печевой грибов объелся, речёт как берсерк, ничего не разберешь», — подумал он.

Колобок вскочил на ножки и бодро зашагал. Бьёрн вздохнул, поправил топор, которого всё ещё не было за поясом, и последовал за ним.